

Письма къ читателямъ.

Дайте величайшія блага человѣку, нарушающему Законъ Бога, и онъ будетъ несчастенъ. Отнимите у человѣка, положившаго свое благо въ исполненіи божественнаго закона все, что людьми считается за благо, и онъ все-таки будетъ счастливъ.

Л. Толстой.

Радость духа есть признакъ его силы.

Эмерсонъ.

Я хочу говорить сегодня на тему, самую рѣдкую въ нашъ вѣкъ. Кто въ наши дни не только говорить, но даже упоминаетъ о наиболѣе свѣтломъ, наиболѣе окрыленномъ изъ всѣхъ даровъ человѣческой души, о радости?

Да и возможно ли говорить о ней въ наше темно-скорбное время, послѣ всего, что прошло передъ нашими глазами на зарѣ новаго вѣка?

И не навсегда ли погасъ ея свѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ для человѣческаго сознанія зажегся прометеевъ огонь пытливаго проникновенія въ тайны Бога, гордаго страданія отъ добровольнаго одиночества, неутолимой тоски по утерянной красотѣ отвергнутого неба?

Нѣтъ, радость безсмертна, она отраженіе Жизни Бога и потому погаснуть она не можетъ никогда. Правда, бываютъ темныя времена подобно нашимъ, когда свѣту радости не въ чемъ отражаться, но она тѣмъ не менѣе здѣсь, около насъ, незримая и неосязаемая, и отъ нашей воли зависитъ воплотить ее въ жизнь нашего духа.

Чтобы понять существо радости, нужно проникнуть въ большія глубины. Посмотрите кругомъ, *кто* способенъ испытывать непримѣсную радость? Малыя дѣти и святыя. Что же общаго между этими противоположными полюсами человѣческаго воз-

раста? Можетъ быть, уловивъ это общее, мы лучше поймемъ тайну радости.

Три одинаковые признака отличаютъ какъ дитя, такъ и святого. Ребенокъ радуется потому, что еще не выдѣлилъ свое личное я изъ общей жизни, не построилъ еще стѣну между собой и остальнымъ міромъ; его душа открыта и онъ раздѣляетъ стихійную жизнь міра. Тоже и у святого: онъ побѣдилъ свое личное я и *уничтожилъ* стѣну, отдѣляющую его отъ остального міра, онъ перенесъ центръ жизни изъ своего крошечнаго эгоистическаго я въ широкій просторъ общей міровой жизни, онъ раскрылъ свое сердце и заключилъ въ него все живое. Ребенокъ радуется еще и потому, что въ его душу еще не проникло сомнѣніе, онъ еще полонъ безсознательной вѣры; не менѣе исполненъ вѣры и святой, но вѣры сознательной, закаленной въ огнѣ страданія, прошедшей черезъ всѣ тяжелые искусы земной жизни. Третій признакъ, сближающій дитя и святого, это—отсутствіе заботъ. Ничто такъ не раздѣдаетъ здоровую радость бытія, какъ безконечныя заботы, все болѣе усложняющіяся съ возрастомъ человѣчества. Его творчество расширяется, предметы этого творчества умножаются до безконечности и жадное желаніе современнаго человѣка всѣмъ воспользоваться, все захватить для себя и для своихъ, становится все ненасытнѣе и острѣе, дѣлаетъ его рабомъ и гонить покой изъ его души.

А радость требуетъ свободы и внутренней тишины. На шумныхъ площадяхъ, въ суетѣ повседневныхъ заботъ, въ безпокойномъ исканіи все новыхъ впечатлѣній, нельзя уловить свѣтлую гостью и нельзя удержать ее въ сердцѣ своемъ. Для этого нужно отойти отъ житейской суеты не физически, а внутренне. Ибо возможно стоять въ самомъ водоворотѣ земной жизни и все же испытывать внутреннюю тишину. Это бываетъ, когда человѣку удается временные интересы замѣнить вѣчными и прогнать заботы изъ сердца своего. Стать какъ дитя. Мудрецъ и Святой достигаютъ такой тишины именно тѣмъ, что они живутъ вѣчнымъ, отчего земныя заботы теряютъ свою силу надъ ними.

Это очень трудно понять человѣку на всемъ ходу современной жизни, главный признакъ которой безконечная сложность внѣшнихъ интересовъ и отсюда—все болѣе растущія заботы о завтрашнемъ днѣ. Но это—временное явленіе, а не норма жизни. Это—признакъ молодости человѣческихъ массъ, а не свойство человѣческой природы самой по себѣ, и не неизбѣжное условіе земнаго бытія. Сложность эта нужна, *пока* *человѣкъ* *растетъ*, какъ

нужна школа для дѣтей, и если школа, въ которой должны развиваться молодыя силы дѣтей, превращается въ мѣсто пытки, кто рѣшится сказать, что это *норма* жизни? Что жестокія англійскія школы, увѣковѣченныя Диккенсомъ въ его романахъ, или наши старинныя кадетскіе корпуса и наши бурсы сороковыхъ годовъ, есть нѣчто неизбѣжное? На всемъ этомъ люди выучились, какъ *не* слѣдуетъ поступать, все это уже пережито, а наши *теперешніе* педагогическіе приемы замѣнятся со временемъ настолько болѣе совершенными, что современная школа будетъ вспоминаться, не далѣе какъ черезъ сто лѣтъ, такъ же, какъ англичане вспоминаютъ школу временъ Давида Коперфильда, или какъ мы вспоминаемъ описанную Помяловскимъ бурсу. Изъ этого ясно, что всѣ несовершенства жизни временны, что они—неизбѣжное условіе эволюціоннаго процесса. Неизбѣжно и то, что отъ этого несовершенства страдаютъ болѣе всего два крайніе полюса человѣческой семьи: передовой, который состоитъ изъ наиболѣе развитыхъ и тонко воспринимающихъ людей, страдаетъ отъ того, что несравненно болѣзненнѣе чувствуетъ недостатки своего времени, а нижній полюсъ, состоящій изъ народныхъ массъ, страдаетъ въ силу того, что несетъ на себѣ всю главную тяжесть этихъ недостатковъ.

Темнота, озлобленіе, предразсудки, вотъ что болѣе всего портитъ жизнь. Но темнота уничтожается просвѣщеніемъ, озлобленіе — нравственнымъ развитіемъ, предразсудки — расширеніемъ кругозора. Это—временныя гасители радости.

Насъ болѣзненно рѣжетъ мучительный разладъ современной жизни. Эта боль—хорошее чувство, но она должна толкать къ бодрой дѣятельности, а не къ унынію и сомнѣнію. Мы *должны* стремиться къ болѣе совершеннымъ формамъ жизни, но въ то же время твердо помнить, что суть не въ формахъ. Суть въ той нетлѣнной *красотѣ*, къ которой не перестаетъ стремиться наша душа. Всѣ видимыя формы лишь несовершенныя попытки выразить эту красоту. Мы ловимъ ея отблески всюду, мы жадно ищемъ ихъ въ жизни, въ людяхъ, въ природѣ, въ искусствѣ, и никогда не удовлетворяемся потому, что находимся въ процессѣ развитія. Вся земная жизнь есть неустанное *достиженіе*. Чего? Совершенной красоты, которая даетъ совершенную радость.

Но пока мы будемъ искать этой красоты въ однѣхъ внѣшнихъ формахъ, а духовное содержаніе, отъ котораго зависитъ *нравственный* порядокъ жизни, останется въ состояніи зачатка, радости не будетъ на землѣ.

И вотъ здѣсь мы подходимъ къ происхожденію радости: радость исходитъ изъ высшей природы человѣка, изъ его *духа*, а не изъ интеллекта и даже не изъ чувства: можно быть первокласснымъ мыслителемъ, обожать *своихъ* дѣтей, быть самоотверженнымъ членомъ *своей* партіи, даже жертвовать жизнью для осуществленія *своей* идеи, и все же быть внутренне темнымъ и несчастнымъ, и совсѣмъ не знать радости. Ибо все, что служить *личному* началу, хотя бы и чрезвычайно расширенному, бессильно вызвать истинную радость и удержать ее.

Радость—*сверхлична*. Это—ея коренной признакъ. Этимъ она отличается отъ эгоистическихъ удовольствій и наслажденій. Но въ такомъ случаѣ она недоступна для большинства людей? Для большинства *нашего* времени, не признающаго ничего выше своей воли, ставящаго свои личныя мнѣнія и вкусы высшимъ закономъ, она недоступна. Все сверхличное предполагаетъ существованіе высшаго Начала, не подверженнаго перемѣнамъ и колебаніямъ. Начало это должно стоять *надъ* эволюціоннымъ процессомъ и оставаться неизмѣннымъ, какія бы бури не потрясали внѣшній строй земной жизни.

Признаніе высшаго Начала, другими словами—Бога и *нравственнаго порядка*, независимаго отъ текучаго и постоянно мѣняющагося эволюціоннаго процесса, есть основа *религіознаго сознанія*. А религіозное сознаніе и опытное переживаніе радости стоятъ въ такой непосредственной связи, что одно безъ другого невозможно.

Только религіозное сознаніе въ силахъ побороть эгоизмъ нашего *я*, изгоняющій радость изъ человѣческаго сердца. Мудрецъ и Святой—разница между ними та, что послѣдній *чувствуетъ* свое единство съ Богомъ и міромъ, а первый *сознаетъ* это единство—не знаютъ унынія, потому что они побѣдили главный источникъ всѣхъ душевныхъ тревогъ, свое личное *я*. Они живутъ поднявшись надъ этими тревогами, они опытно приобщились къ широкой жизни міра, отсюда—свобода, свѣтъ и полнота ихъ внутренней жизни. На это могутъ возразить: они могли подняться надъ тревогами своего личнаго *я*, но имѣютъ ли они право подниматься надъ чужими тревогами и страданьями? Не приведетъ ли это человѣка къ равнодушію, а самую жизнь къ застою? И не видимъ ли мы, что какъ разъ наиболѣе добрые и отзывчивые приходятъ въ отчаяніе при видѣ чужихъ страданій?

Несомнѣнно, что отзывчивость выше равнодушія, но есть нѣчто еще высшее. Можно быть *очень* добрымъ и не умѣть про-

никать въ глубь явленій. Человѣкъ, желающій познать истину своимъ *собственнымъ* разумомъ, долженъ еще дорости до такого познания. Пока же онъ не доросъ, онъ неизбѣжно будетъ заблуждаться, измѣряя огромныя величины своимъ маленькимъ личнымъ масштабомъ. Если же онъ захочетъ мѣрить соответствующей мѣрой, онъ неизбѣжно поднимется до религіознаго сознанія, которое обнимаетъ всю міровую жизнь, всѣ времена и всѣ этапы человѣческаго опыта и приводитъ къ свѣтлой увѣренности что, все, переживаемое міромъ, а слѣдовательно и нами— разумно, необходимо и ведетъ къ конечному благу. Нѣтъ ни одного ненужнаго явленія, ни одного излишняго страданія, все хаотическое—временно и въ концѣ превратится въ гармонию. И эта увѣренность не только возможна, она неизбѣжна для выросшаго и углубленнаго сознанія. Но она ведетъ не къ равнодушію, а къ расширенной отзывчивости, не къ застою, а къ сознательному участию въ міровомъ творествѣ.

Возьмите человѣческое творчество: все, что человѣкъ создаетъ цѣннаго и прекраснаго, проходитъ черезъ тяжелые процессы: камень разбивается въ дребезги, желѣзо накаливается до красна, мраморъ обтесывается, но вѣдь это дѣлается не безцѣльно, а чтобы и камень, и желѣзо перешли въ болѣе высокое состояніе, стали проводниками человѣческаго творчества. Нѣчто подобное происходитъ и въ процессѣ духовнаго творчества, черезъ который проходитъ человѣческая душа. Она переноситъ мучительныя переживанія, скорбныя опыты, чтобы не останавливаться на достигнутыхъ ступеняхъ, а подниматься все выше и выше. Поднятіе это трудно и требуетъ большого напряженія; но это потому, что достигаемая вершина чрезвычайно высока. И неужели пожелаемъ мы, чтобы она спустилась до нашего уровня? Если же такой уровень насъ не прельщаетъ, необходимо помириться и съ тѣмъ напряженьемъ, и съ тою болью, которая испытываетъ наша низшая природа, когда незримый Художникъ отбиваетъ отъ нея безошадно кусокъ за кускомъ для того, чтобы выявилась скрытая за ней красота нашей божественной природы.

Эта боль и это напряженіе особенно мучительны въ переживаемую эпоху. Потому что наша эпоха—расцвѣтъ личнаго начала, завершеніе внутренней обособленности, какихъ міръ еще не видалъ никогда. Отсюда—чувство душевнаго одиночества у современнаго интеллигентнаго человѣка. Но и это—явленіе временное. Яркое переживаніе личныхъ эмоцій, острое ощущеніе

всего, что соприкасается съ собственнымъ я—лишь ступень, необходимая для развитія яркой индивидуальности, для построенія отчетливаго индивидуальнаго центра сознанія. И эта ступень минуетъ, и настанетъ конецъ душевному одиночеству человѣка, которое выросло до такихъ мучительныхъ размѣровъ въ наше время.

Кто испытывалъ восторги молодой любви, тотъ знаетъ, какое блаженство заливаешь сердце, раскрывшееся для того, чтобы принять въ себя другую жизнь; на короткое время стѣна, замыкающая наше отдѣльное я, падаетъ, и вмѣстѣ съ жизнью другой души вливается и радость въ наше сердце. Но эта стихійная радость не въ нашей власти, и длится она не долго: пламенное чувство остываетъ и человѣческая душа снова замыкается въ своемъ одиночествѣ. Чтобы радость не переставала свѣтить человѣку и оставалась въ его власти, необходимо, чтобы *единство жизни* проникло въ его сознаніе и онъ позналъ, что его одиночество—иллюзія, что его собственная жизнь и жизнь остального міра связаны такими безчисленными нерасторжимыми нитями, что всякая попытка оторвать себя отъ общей жизни приведетъ лишь къ страданію и къ внутреннему оскудѣнію.

Другого пути для водворенія радости въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ: разрушайте свой эгоизмъ, принимайте въ свою душу жизнь окружающаго міра, сознавайте свое единство, какъ съ самымъ великимъ, такъ и съ самымъ малымъ, и радость не будетъ покидать васъ. Мало того: вы сдѣлаетесь свѣточами и для другихъ, потому что духовная радость—великая сила, разгоняющая всякій мракъ изъ души человѣка, и прежде всего, его сомнѣніе въ себѣ самомъ, въ своей божественности, въ вѣчной цѣнности своей безсмертной души.

Другъ читателя.

